

Голос Гу Цияня звучал ровно. Хотя он хвалил иероглиф «Мяо», лицо Пэй Мяо почему-то залилось краской. Хорошо ещё, что шерсть скрывала его смущение.

На самом деле, когда его родители давали ему это имя, они не вкладывали в него столько смысла. Просто гадатель сказал, что в карте рождения Пэй Мяо не хватает элемента воды, а огня слишком много, поэтому в имени нужно добавить воду, чтобы сбалансировать. Так и выбрали иероглиф «Мяо».

Раньше Пэй Мяо никогда не считал своё имя чем-то особенным. Каждый раз, когда родственники звали его «Мяомяо», у него возникало ощущение, будто зовут кошку. До сих пор он был уверен, что превращение в кота как-то связано с его именем.

Но теперь, после анализа Гу Цияня, Пэй Мяо вдруг почувствовал, что его имя наполнено глубоким смыслом. Вода, терпение, мягкость — разве это не о нём? Кто ещё смог бы так спокойно превратиться из человека в кота и так быстро освоиться в новой роли? Даже актёры не сравнились бы с его мастерством.

С этой мыслью Пэй Мяо гордо выпятил свою маленькую, не обременённую мышцами грудь и с видом победителя принялся вылизывать мокрую лапку.

Розовый язычок высунулся, он прищурился и принялся тщательно вылизывать шерстку на лапке, издавая довольное «чмок-чмок».

Но, дойдя до подушечки, Пэй Мяо вдруг широко раскрыл глаза и остолбенел, а затем рассыпался на тысячи осколков прямо на ветру.

Мяу! Он только что вылизал лапку, которой касался губ Гу Цияня... И делал это с таким наслаждением!

Это что, косвенный поцелуй?..

Внутри Пэй Мяо всё перевернулось. Он украдкой, с виноватым видом, взглянул на Гу Цияня и, увидев, что тот спокоен, тайно вздохнул с облегчением. Смущённо он опустил вылизанную наполовину лапку и сделал вид, что просто осматривается по сторонам.

Взгляд Гу Цияня не отрывался от котёнка, и он прекрасно заметил все эти мелкие движения. Но, следуя принципу «вижу, но не говорю», он промолчал. Вместо этого он пальцем, смоченным в воде, стал постепенно размазывать написанный Пэй Мяо иероглиф «Мяо». Дойдя до последней черты, он вдруг поднял бровь, посмотрел на Пэй Мяо с сияющими от смеха глазами и протянул руку:

— Мяомяо, я — Циянь.

Эти шесть коротких слов словно что-то изменили. Зерно, упавшее прежде, внезапно проросло.

Пэй Мяо застыл, уставившись на протянутую руку. Пальцы были длинными и белыми, словно выточенными из прекрасного нефрита. Подняв взгляд на хозяина руки, он увидел лёгкую улыбку, холодноватую, но с нотками нежности, которая согревала его, словно весенний ветер.

Такой человек протянул ему руку.

Пэй Мяо совсем опьянел от этого. В каком-то смутном оцепенении он положил свою мокрую лапку в ладонь Гу Цияня. Лишь когда тепло от той ладони проникло сквозь подушечку, он

очнулся. Уголки его губ поднялись ещё выше, он задорно вскинул круглую мордочку и сладко мяукнул.

«Братан, теперь в этом дворце я на тебя надеюсь».

Три дня спустя во дворце состоялся семейный ужин.

Хотя это называлось семейным ужином, приглашены были лишь немногие. Кроме императрицы и драгоценной супруги Сяо, присутствовали лишь супруга Шу — мать первого принца, наложница Чжэнь — мать четвёртого принца и наложница Ли — мать шестой принцессы, недавно получившая благосклонность.

Для всех наложниц участие в семейном ужине было не только символом статуса и доказательством милости, но и прекрасной возможностью «засветиться» перед императором Цинлуном.

Поэтому в день ужина все наложницы поднялись ни свет ни заря, чтобы привести себя в порядок. От заколок в волосах до аксессуаров на одежде — каждая деталь должна была быть безупречной.

Пэй Мяо, как единственный не член императорской семьи на этом ужине, тоже должен был подготовиться.

После сладкого послеобеденного сна евнух Ванцай достал резную гребёнку из рога, украшенную золотом и нефритом. Присев рядом с Пэй Мяо, он сказал:

— Господин, до начала ужина осталось полтора часа. Позвольте мне сначала привести в порядок вашу шерсть.

Пэй Мяо в этот момент был весь расслаблен после сна, лениво растянувшись на одеяле под солнцем. Его шерсть торчала во все стороны, и он выглядел как небрежно сложенный плед — до безумия мило.

Он сладко потянулся на кровати, затем неуверенно поднялся, выгнув спину дугой, зевнул во весь рот и снова бессильно улёгся, уставившись вдаль рассеянным взглядом.

Стоявшие рядом служанки чуть не задохнулись от умиления. Их глаза превратились в сердечки, и они, сбившись в кучку, принялись шептаться:

— О боже, господин такой милый! Я просто таю!

— Да-да, как же мне повезло, что меня перевели в Чертог Юннин! Каждый день могу видеть господина, все мои подружки с ума сходят от зависти!

— В Чертоге Юннине хорошо, да только тут постоянно рискуешь истечь кровью. Я слышала, на Императорской кухне жалуются, что в наш чертог слишком много заказывают свиной печени, утиной крови и ягод годжи.

— Ничего не поделаешь, у нас тут «кровопотери» случаются часто, без подкрепления не выжить. Ой, нет, я опять... кажется, у меня носом пошла!

Пэй Мяо пропускал эти разговоры мимо ушей и покорно лежал, позволяя Ванцаю расчёсывать свою шерсть.

Руки у Ванцай были золотые — он не причинял ни малейшей боли, а наоборот, его движения были похожи на массаж. Вскоре в горле Пэй Мяо заурчало — верный знак того, что ему очень хорошо.

Закончив со спиной, Пэй Мяо сам повернулся и подставил живот. По сравнению с ровной и гладкой шерстью на спине, шерсть на животе была реже, мягче и имела естественный изгиб. Она выглядела такой пушистой, что так и хотелось в неё уткнуться.

Это было место, которому Ванцай уделял особое внимание, потому что Пэй Мяо часто лежал на животе, и шерсть там легко сбивалась. Кроме того, важной задачей была и шерсть на шее — самая длинная и густая на всём его теле. И из-за того, что Пэй Мяо постоянно её вылизывал, она в мгновение ока могла превратиться в «лапшу быстрого приготовления».

Чтобы Господин Наставник каждый раз представлял перед людьми во всей красе, евнух Ван истомил своё сердце заботами. Он каждый день носил с собой гребёнку и, как только замечал, что «воротничок» Господина Наставника начинает превращаться в «лапшу», тут же с профессиональным видом и ловкими движениями доставал её и принимался за дело: чесать! чесать! чесать!

Всего десять секунд — и «лапша» снова становилась длинной и прямой.

За это евнуха Вана и прозвали: «Первый парикмахер-стилист Императорского дворца».

Закончив с укладкой, Ванцай поднёс к Пэй Мяо бронзовое зеркало.

— Господин, посмотрите, подходит ли такой образ?

Пэй Мяо посмотрел в зеркало. На отполированной поверхности чётко отражалась его морда: пара морских голубых кошачьих глаз, ушки с чёрной окантовкой, мягкая и блестящая шерсть. Кот в зеркале выглядел невероятно статным. Подняв округлый подбородок, он излучал гордое величие.

— Мяу~ — Неплохо.

Пэй Мяо с удовольствием полюбовался собой в зеркале, затем вылизнул лапку и пригладил шерсть у самых корней ушей, чтобы она выглядела более объёмной и воздушной. Закончив, он с чувством глубокого удовлетворения спрыгнул на пол.

Проходя мимо двери, он вдруг о чём-то вспомнил, вернулся в спальные покои, стащил с прикроватной тумбочки бант-бабочку и, подпрыгивая, отнёс его Ванцаю.

Этот бант был тем самым, что подарил Гу Цянь. Лянь Цяо его немного подправила и добавила в центр жемчужину, так что теперь он смотрелся куда лучше. Но по сравнению с позднее полученными нагрудниками и другими бантами он всё равно был самым простеньким. Однако этот бант был любимцем Пэй Мяо. На любое более-менее важное мероприятие он надевал именно его, без исключений.

Ванцай сжал губы, сдерживая улыбку, взял бант и повязал его Пэй Мяо на шею. Надевая, он с чувством подумал: «Как же близки наш господин и второй принц. Неужели мне когда-нибудь доведётся вернуться в Дворец Чансинь?»

В Дворец Хуацин Пэй Мяо отправился на паланкине. По прибытии он увидел, что с другой стороны приближается ещё один паланкин.

Тот паланкин несли четверо носильщиков, он был завешен лёгкой тканью, так что разглядеть, кто внутри, было невозможно. За паланкином тянулась целая вереница служанок и евнухов, а также два охранника. Размах был ничуть не меньше, чем у Пэй Мяо.

В Императорском дворце Великой Юй уровень жизни Пэй Мяо уступал лишь императору Цинлуну и императрице, превосходя всех прочих наложниц и принцев, включая самого Гу Цияня. Поэтому он крайне удивился, увидев кого-то с подобной свитой.

Любопытство взяло верх. Пэй Мяо лапкой отодвинул полупрозрачную ткань, застилавшую его паланкин, и высунул голову, чтобы посмотреть. Без преграды обзор стал намного лучше.

<http://bllate.org/book/16288/1467808>